

НАША СТРАНА

Год издания 70-й. Буэнос Айрес, 3 февраля 2018

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 3 de febrero de 2018

No 3072

Восемь мифов о последнем Императоре

I.

Минуло уже 17 лет с момента канонизации последнего Императора и его Семьи Московской Патриархией и 36 лет со дня его прославления Русской Зарубежной Церковью, однако до сих пор сталкиваешься с удивительным парадоксом — многие, даже вполне православные, люди оспаривают справедливость причисления Государя Николая Александровича к лику святых.

Ни у кого не вызывает ни протестов, ни сомнения правомочность канонизации сына и дочерей последнего Российского Императора. Не слышал я возражений и против канонизации Государыни Александры Федоровны. Даже на Архиерейском Соборе МП 2000 года, когда речь зашла о канонизации Царственных Мучеников, особое мнение было высказано только относительно самого Государя. Один из архиереев заявил, что Император не заслуживает прославления, ибо «он государственный изменник... он, можно сказать, санкционировал развал страны».

И ясно, что в такой ситуации копыя преломляются вовсе не по поводу мученической кончины или христианской жизни Императора Николая Александровича. Ни одно, ни другое не вызывает сомнения даже у самого оголтелого отрицателя монархии. Его подвиг как страстотерпца вне сомнений.

Дело в другом — в подспудной, подсознательной обиде: «Почему Государь допустил, что произошла революция? Почему не уберёт Россию?» Или, как чеканно высказался А.И. Солженицын в статье «Размышления над Февральской революцией»: «Слабый царь, он предал нас. Всех нас — на всё последующее».

Миф о слабом царе, якобы добровольно сдавшем свое царство, заслоняет его мученический подвиг и затемняет бесовскую жестокость его мучителей.

Автор статьи, Глеб Елисеев — историк и литературный критик, признанный специалист по научной фантастике, участник литературно-филологической группы «Бастиион». Автор биографической книги «Лавкрафт», вышедшей в серии «Великие исторические персоны». Первые его публикации были посвящены узкопрофессиональным вопросам русской средневековой книжности.

Но что мог сделать Государь в сложившихся обстоятельствах, когда русское общество, как стадо гадаринских свиней, десятилетиями несло в пропасть?

Изучая историю Николаевского Царствования, поражаешься не слабости Государя, не его ошибкам, а тому, как много он ухитрялся сделать в обстановке нагнетаемой ненависти, злобы и клеветы.

Нельзя забывать, что Государь получил в руки самодержавную власть над Россией совершенно неожиданно, после скоропостижной, никем не предвиденной и не предполагавшейся кончины Царя Александра III. Великий Князь Александр Михайлович вспоминал, в каком состоянии был наследник престола сразу после смерти отца: «Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что стал Императором, и это страшное бремя власти давило его. “Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что теперь будет с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами”».

Однако после краткого периода растерянности новый Император прочно взялся за руль государственного управления и удерживал его в течение двадцати двух лет, пока не пал жертвой верхушечного заговора. Пока вокруг него не склublись плотным облаком «измена, и трусость, и обман», как он сам и отметил в своем дневнике 2 марта 1917 года.

Чёрную мифологию, направленную против последнего Государя, активно развеивали и эмигрантские историки, и

современные российские. И всё же в сознании многих, в том числе и вполне воцерковленных, наших сограждан упорно засели злобные байки, сплетни и анекдоты, выдававшиеся в советских учебниках истории за истину.

1. Миф о вине Царя Николая II в Ходынской трагедии

Любой список обвинений негласно принято начинать с Ходынки — жуткой давки, произошедшей во время коронационных торжеств в Москве 18 мая 1896 года.

Можно подумать, Государь приказал организовать эту давку! И если уж кого обвинять в произошедшем, то дядю Императора, московского генерал-губернатора Сергея Александровича, не предусмотревшего самой возможности такого наплыва публики. При этом следует заметить — случившегося не скрывали, о Ходынке писали все газеты, о ней знала вся Россия. Русские же Император и Императрица на следующий день посетили всех раненых в больницах и отстояли панихиду по погибшим. Царь Николай II распорядился выплачивать пенсию пострадавшим. И они получали её до 1917 года, до тех пор, пока политики, годами спекулировавшие на Ходынской трагедии, не сделали так, что любые пенсии в России вообще перестали выплачиваться.

И совсем уж подло звучит годами повторявшаяся клевета, будто Царь, несмотря на Ходынскую трагедию, поехал на бал и там веселился.

Государь действительно был вынужден поехать на

официальный прием во французское посольство, который он не мог не посетить по дипломатическим соображениям (оскорбление союзников!), засвидетельствовал свое почтение послу и уехал, пробыв там всего 15 (!) минут.

И из этого сотворили миф о бессердечном деспоте, веселящемся, пока его подданные умирают. Отсюда и поползла сотворенная радикалами и подхваченная образованной публикой вздорная кличка «Кровавый».

2. Миф о вине монарха в развязывании Русско-Японской войны

Утверждают, что Государь втравил Россию в Русско-Японскую войну, потому что самодержавию была нужна «маленькая победоносная война».

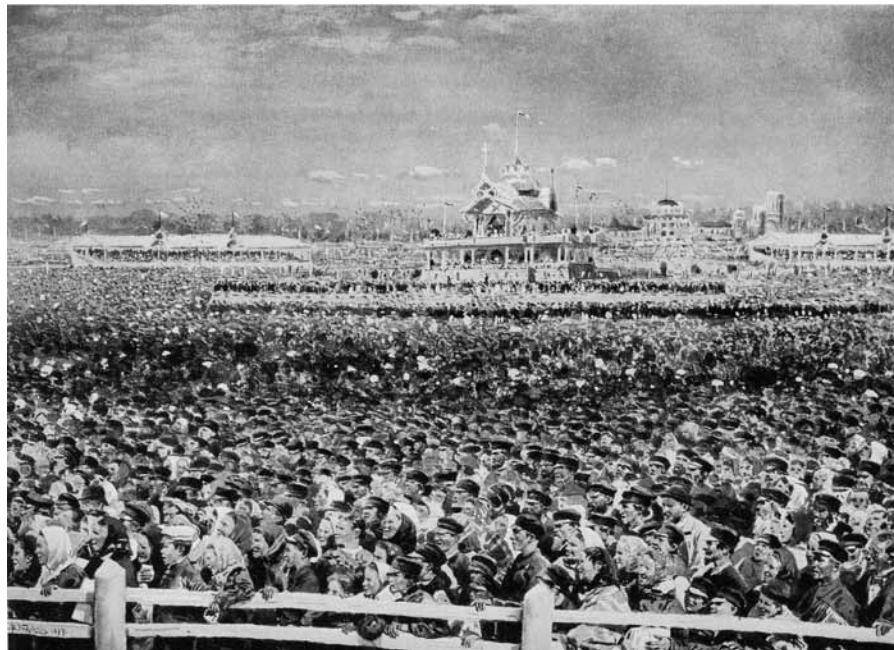
В отличие от «образованного» русского общества, уверенного в неизбежной победе и презрительно называвшего японцев «макаками», Император прекрасно знал все трудности ситуации на Дальнем Востоке и всеми силами пытался не допустить войны. И не надо забывать — именно Япония напала на Россию в 1904 году. Вероломно, без объявления войны, японцы атаковали наши корабли в Порт-Артуре.

В поражениях же русской армии и флота на Дальнем Востоке можно обвинять Куропаткина, Рожественского, Стесселя, Линевица, Небогатова, да кого угодно из генералов и адмиралов, но только не Государя, находившегося за тысячи верст от театра военных действий и тем не менее делавшего всё для победы.

Например, в том, что к концу войны по недостроенной Транссибирской магистрали шло 20, а не 4 воинских эшелона в день (как в начале) — заслуга самого Царя Николая II.

А ещё на японской стороне «сражалось» наше революционное общество, которому была нужна не победа, а поражение, в чем его представители и сами честно признавались.

Например, представители эсеровской партии чётко писали в воззвании к русским офицерам: «Всякая ваша победа грозит России бедствием укрепления порядка, всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, если русские радуются успехам вашего противника?»

Ходынка. Акварель Владимира Маковского.

Революционеры и либералы усердно раздували смуту в тылу воюющей страны, делая это в том числе и на японские деньги. Сейчас это уже хорошо известно.

3. Миф о «Кровавом воскресеньи»

Дежурным обвинением Царю десятилетиями оставалось «Кровавое воскресенье» — расстрел якобы мирной демонстрации 9 января 1905 года. Почему, дескать, не вышел из Зимнего Дворца и не побратался с преданным ему народом?

Начнём с самого простого факта — Государя в Зимнем не было, он находился в своей загородной резиденции, в Царском Селе. В город он приезжать не собирался, поскольку и градоначальник И. А. Фуллон, и полицейское начальство уверяли Императора, что у них «всё под контролем». Кстати, они и не слишком обманывали Царя Николая II. В обычной ситуации войск, выведенных на улицу, было бы достаточно для предотвращения беспорядков. Никто не предвидел масштабов манифестации 9-го января, а также деятельности провокаторов.

Когда из толпы якобы «мирных демонстрантов» в солдат начали стрелять эсеровские боевики, то предвидеть ответные действия было нетрудно. Организаторы демонстрации с самого начала планировали столкновение с властями, а не мирное шествие. Им не нужны были политические реформы, им были необходимы «великие потрясения».

Но при чём здесь сам Государь? В ходе всей революции 1905–1907 года он стремился найти контакт с русским обществом, шёл на конкретные и иногда даже чрезмерно смелые реформы (вроде положения, по которому избирались первые Государственные Думы). А что он получал в ответ? Плевки и ненависть, призывы «Долой самодержавие!» и

поощрение кровавых бунтов.

Однако революция не была «раздавлена». Взбунтовавшееся общество было усмирено Государем, умело сочетавшим применение силы и новые, более продуманные реформы (избирательный закон от 3 июня 1907 года, по которому Россия наконец-то получила нормально работающий парламент).

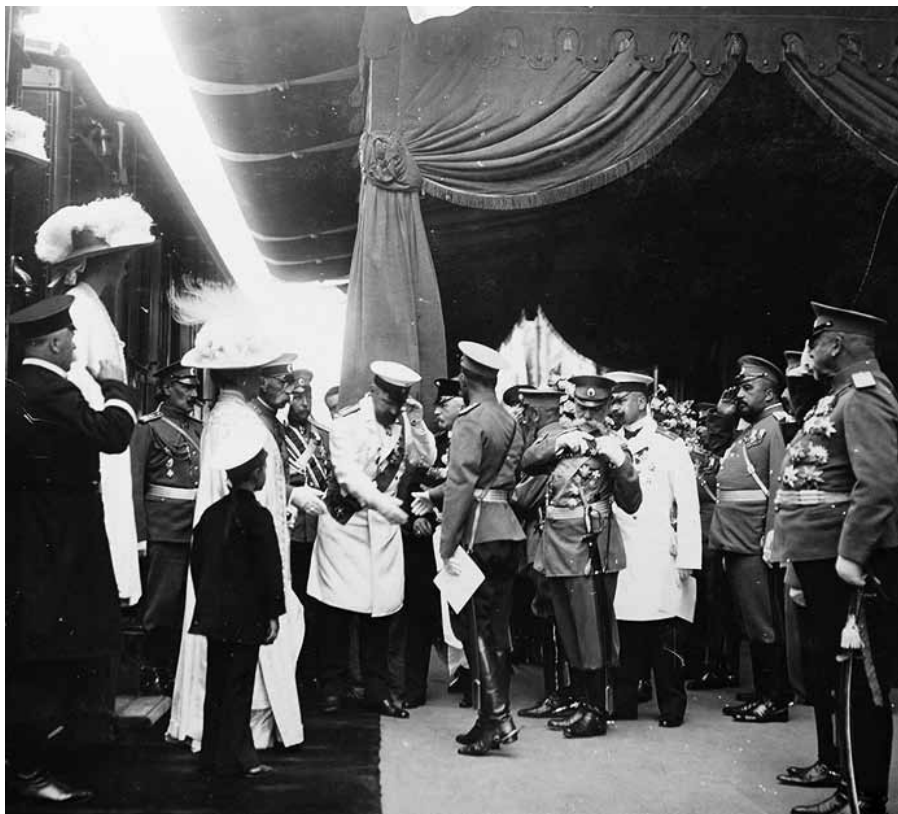
4. Миф о том, как Царь «сдал» Столыпина

Попрекают Государя якобы недостаточной поддержкой «стольпинских реформ». Но кто сделал Петра Аркадьевича премьер-министром, если не сам Царь Николай II? Вопреки, кстати, мнению двора и ближайшего окружения. И, если случались моменты непонимания между Государем и главой кабинета, то они неизбежны при любой напряженной и сложной работе.

5. Миф о всевластии Распутина

Байки про последнего Государя не обходятся и без постоянных историй про «грязного мужика» Распутина, поработившего «беззубого царя». Сейчас, после множества объективных расследований «распутинской легенды», среди которых фундаментальностью выделяется «Правда о Григории Распутине» А. Н. Боханова, ясно, что влияние сибирского старца на Императора не было. А то, что Государь «не удалял Распутина от трона»? Откуда он мог его удалить? От постели больного сына, которого Распутин спас, когда от Царевича Алексея Николаевича отказались уже все врачи? Пусть каждый прикинет на себя: готов ли он пожертвовать жизнью ребенка ради прекращения общественных сплетен и истеричной газетной болтовни?

Глеб Елисеев

Премьер Пётр Аркадьевич Столыпин на прибытии Государя и Государыни в Киев 29 августа 1911 года

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЛАСОВА

Прошло уже более 70 лет после его казни, но совковые придворные историки не прекращают свои попытки всячески очернить командующего Русской Освободительной Армии, генерала Андрея Андреевича Власова, равно как и в целом всё Освободительное Движение 1941–1945 годов, куда входили такие воинские части как Русский Корпус, 15-ая Казачья Кавалерийская Дивизия и многие другие русские антибольшевицкие формирования.

Так например 12 июля 2017 года в «Литературной Газете» Евгений Спицын, «историк, педагог, советник ректора МПГУ» пыжится доказать, что мол Власов не был успешным полководцем, не был в 1942 году единственным героем обороны Киева и Московской битвы. А другой совок, Юрий Никифоров, «кандидат исторических наук, зав. кафедрой практической политологии МПГУ» там же тщится убедить читателей, что Власов де «не был идейным».

Откуда такой страх перед явлением давным-давно канувшем в Лету?

На это проливает свет тот же Никифоров, написавший следующее: «Российскому обществу нужно ясное понимание: явное или неявное оправдание власовцев провоцирует оправдание коллаборационизма как такового. Достаточно заявить: наше правительство — злодеи, мерзавцы, «банда жуликов и воров», и на этом основании измена присяге — не измена, а приемлемое, цивилизованное поведение во имя «общечеловеческих ценностей». Сегодня идея коллаборационизма, психология коллаборационизма, символом которых является генерал Власов, — оружие, направленное на разрушение традиционной идентичности. Моральное оправдание Власова нужно для подготовки коллаборационистов «завтрашнего дня».

Оказывается ларчик просто открывался: путинские лизоблюды пекутся о стабильности путинской власти, боятся за её дальнейшее существование.

На самом-то деле, никакого «коллаборационизма» в годы Второй Мировой войны у нас не было, а существовал, по выражению Н.

Л. Казанцева «утилизационизм» — русские антикоммунисты пытались **утилизировать**, использовать немцев для освобождения России от гнёта коммунизма.

Никакими предателями родины «утилизационисты» не были и их можно разделить на две категории. Первая — это люди, сражавшиеся в Белой Армии, и их потомки, эмигрировавшие в Европу. Советская власть была для них властью врагов; большевики отняли у них родину и изгнали их из собственного дома. Поэтому желание снова сразиться с ними и освободить страну от большевицкого ига совершенно понятно.

Вторая категория — подсоветские граждане, добровольно сражавшиеся вместе с немцами против красных. Их понять тоже нетрудно. Ведь что получили люди от советской власти за 20 лет кровавого режима? Реквизиция имущества, раскулачивание, ссылки и расстрелы, два страшных голода и частое недоедание. Отношение большевиков к России вполне можно охарактеризовать как колониальное, когда из туземцев выкачивается всё возможное, так как у них нет шанса протестовать, а количество жертв никто не считает.

Поэтому неудивительно, что большевиков многие ненавидели. А про Гитлера тогда знали мало. Не было информации о концлагерях и о других зверствах. Многие помнили или слышали, что немцы люди цивилизованные, плохого ничего делать не будут, и не боялись их. Советской же пропаганде многие не доверяли.

В такой ситуации простые люди оказались в очень непростой ситуации, между двух откровенно вражеских сил. Каждый должен был решать сам, какое из двух зол хуже. История подтвердила, что худшим злом были коммунисты.

Немцев мы бы сбросили на второй день после победы над Сталиным. А вот победа Сталина привела к дальнейшему истреблению гено-фонда страны и к тому, что ныне Россией, вернее РФ, управляет чекист, ведущий её к окончательному уничтожению.

Б. Гасан

DELENDA EST SOVOK

Все беды России заключаются в том, что коммунистическая власть породила совков. Совок (по созвучию со словом «советский») — термин, получивший распространение вообще в современном российском обществе, прозвище, даваемое приверженцам советского уклада жизни, коммунистам, вообще людям, демонстрирующим признаки советского менталитета, предрассудков и т. д.

Обыкновенно для «совка» характерны такие качества, как идеологизированность, духовная несвобода и внутренняя несамостоятельность, социально-иждивенческие установки, антирелигиозность, нетерпимость к чужому мнению и чужой индивидуальности. Но на практике и в большинстве случаев данный термин используется в качестве ответной критики.

Также «совком», «совковым» называют явления, относящиеся к советской эпохе. Довольно распространённый в определенных кругах образ «совка» — глупый человек, полностью лишенный самостоятельности и собственного мнения, слепо следующий партийной указке и верящий в массовую пропаганду, не успевший найти себе полагающееся место в новом обществе. Само слово является таким же ругательством как «идиот», «лох» и другие.

Можно отметить следующие значения слова «совок»: советский гражданин; советский (несвободный) образ жизни; мышление, характерное для советских граждан; советский образ подхода к современному бизнесу (некачественное предоставление услуг массового потребления); Советский Союз; политическая система в СССР, советская пропаганда. Пока в нашей стране будут задавать тон совки, нет никаких надежд на возрождение России.

П. Савельев

Новый подход к Греко-Болгарскому расколу 1872 года

Известно, что в 1872 году Церковный Собор, собравшийся в Константинополе (Стамбуле) отлучил Болгарскую Церковь и торжественно осудил очередную, новую ересь под названием этнофилетизма (или просто филетизма), иными словами стремление подчинять Церковь национальному, племенному началу. Этой ересью якобы провинились болгары.

Сие событие интересует специалистов по болгарской истории и культуре хотя бы по двум причинам.

1) Дата: 1872 год, то-есть в самый разгар освободительного движения;

2) Предмет: отлучение, провозглашенное той же самой Константинопольской Церковью, которая каких-то 1000 лет до того отправила двух апостолов славян святых Кирилла и Мефодия в болгарские края для просвещения евангельским светом и православной верой всех славянских народов, томлящихся во языческом мраке.

Однако, тот самый филетизм, который греки обличали у болгар, как явную злейшую ересь, когда он применялся самими греками не являлся ли он для них чистым Православием?

Иными словами, Константинопольский патриарх председательствуя на Соборе, в состав которого входили исключительно греческие архиереи, по нашему мнению отдал дань именно тому же самому национальному принципу, который он обличал у болгар, но в пользу эллинизма и в ущерб славянам.

Шовинизм и крайний национализм конечно не имеют своего места внутри Церкви, которая согласно Священному Писанию не знает «ни иудея, ни еллина» (Гал. 3, 28) и мы безусловно были бы неправы если бы пытались внушить мысль, что в этом весьма печальном деле болгары были всего лишь несчастными, невинными жертвами.

Но если шовинизм естественно осуждается церковно-христианским сознанием, то никак нельзя сказать того же самого о национальном чувстве, которое скрепляет сплоченность целого народа и тем самым позволяет ему по-своему воспринимать, со всеми присущими ему свойствами, особенностями православную веру и благодаря чему можно и говорить о Православии греческом, русском, сербском, болгарском, арабском и даже в наши дни быстро развивающемся французском Православии.

Из самой глубокой христианской древности история Церкви учит о том, что каждый народ должен иметь свою поместную Церковь и знать своего первоиерарха (34-е апостольское правило).

Изучение истории Церкви также показывает нам насколько, именно в XIX-ом веке, Константинопольский патриархат оставался глух к справедливым требованиям не греческих народов, находящихся под его омофором и насколько был он слеп перед лицом эволюции мира, главным образом на Балканах.

Сербские, румынские и другие народы постепенно отвоевывали и добивались политической независимости и, одновременно, получали автокефальный статут для своих Церквей. Болгария также переживала замечательный национальный порыв, который, благодаря братской и щедрой помощи России, дал ей возможность стряхнуть 5-тивековое турецкое иго. Жажда приступить к политической независимости, болгары равным образом желали получить независимость

и в церковной области. На самом деле могли ли они оставаться в духовном подчинении у иерархов, остававшихся подчиненными турецкому султану?

А напротив, Константинопольский патриарх великолепно довольтствовал своим положением «милет-баши», то-есть представителя всех христиан при турецких властях и отнюдь не решался таким образом упустить большую часть подведомственных ему православных, что со временем, неизбежно, должно было уменьшить его представительность, а значит и его влияние при султанах.

Помимо этой чисто политической стороны вопроса следует еще принять во внимание и национально-религиозный империализм присущий грекам, который легко можно было констатировать и на территориях, где православный народ был не славянского, а арабского происхождения, как например в Антиохийской и Иерусалимской патриархиях, где 400.000 православных арабов возглавлялись патриархами и архиереями исключительно греческого происхождения.

Но вернемся к Болгарии. В Македонском городе Ускубе — болгарское название города Скопье — в 1831 г., было подано прошение о назначении епископов из болгар и большего употребления народного языка в богослужениях. Однако, по видимому, в представлении греков, эти притязания были ни что иное, как преступление против эллинизма. Итак, после длительной борьбы с непримиримостью Константинопольских патриархов, болгары встряхнули греческое иго и, фактически провозгласили, односторонне, в самый день Святой Пасхи 3-го апреля 1860 года, автокефалию своей Церкви, прекратив возношение имени вселенского патриарха при богослужении. После многих перипетий и благодаря давлению оказанному на Порту русским послом генералом Игнатиевым, болгары получили от султана 27 февраля 1870 года освободительный *фирман*, учреждающий автономный болгарский экзархат.

Кстати сказать 10-я статья этого *фирмана* содержит оговорку замечательную по своему здравому смыслу и канонической православности. Перебирая области, могущие войти в новую юрисдикцию, там значится: «Если 2/3 православных жителей помимо вышеперечисленных местностей пожелают, относительно своих духовных дел, подчиняться болгарскому экзархату... то это им позволено».

Учреждение этого экзархата было воспринято как страшный удар для греческого патриархата и эллинизма. Фанари Афины объявили беспощадную войну, как новой Церкви так и всему болгарскому населению. В этих условиях Константинопольский патриархат созвал с 12-го по 16-ое сентября 1872 года Собор, вынесший решения, которые, объективно, трудно оспаривать, но значение которых значительно уменьшено от того, что в этом деле Константинополь, не пожелав в свое время удовлетворить болгар незначительными но оправданными уступками, понёс, таким образом, в значительной степени ответственность за раскол. Святейший Русский Синод, отказавшись опре-

деленно присоединиться к соборным решениям несмотря на Константинопольские давления, тем самым и смягчил его возможно пагубные последствия.

Следует лишний раз подчеркнуть, что Русская Церковь, всеми силами пыталась препятствовать созыву этого Собора, ибо отлично понимала, что непримиримость обеих сторон неизбежно должна была окончиться скандалом для всего Православия. Греки, напротив, сугубо настаивали на том, чтобы Русская Церковь явилась бы в Константинополь на Собор. Однако в своем ответе Святейший Русский Синод отклонил даже мысль о Вселенском Соборе и предложил для умиротворения враждебных сторон созыв более скромного собрания в нейтральном месте, предложив для этой цели город Киев. Греки в свою очередь отклонили предложение русских, настаивали на своём и созвали поместный греческий Собор.

Надо сказать, что и среди греков не было полного единомыслия. Иерусалимский патриарх Кирилл II (1845-1872) в особенности, выслушав все доводы, покинул Константинополь 17-го сентября, не подписав протоколы Собора. Но патриарху Кириллу пришлось поплатиться за столь смелый поступок. Фанатично настроенное духовенство в Иерусалиме добилось удаления патриарха со своей кафедры 8-го ноября 1872 года и назначения нового грекофильного толка патриарха Прокопия.

Таким образом болгарский вопрос обогатился и Иерусалимским кризисом. Но мало того, в фанатичном порыве греки одно время думали было и отлучить Русскую Церковь, объявить её схизматической за её непокорность греческим повелениям. Но греки скоро опомнились, вероятно сообразив, что весь православный восток в основном процветает благодаря беспредельной щедрости русского народа, русского правительства и Русской Церкви. Итак, греки перенесли свою месть на ни в чём неповинных русских святогорцев Свято-Пантелеймоновского монастыря. Началось с того, что греки не пожелали признать избрание нового игумена обители архимандрита Макария Сушкина и очень быстро разразился громкий пантелеймоновский процесс.

Крайне интересные сведения в связи с затронутыми нами событиями можно почерпнуть в т. н. «неизданной переписке» двух выдающихся общецерковных деятелей второй половины XIX-го века, каковыми были граф Игнатиев и многолетний начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин Капустин.

В одном из своих писем, граф Игнатиев пишет следующее архим. Антонину: «Вы конечно знаете, что не довольствуясь преследованием болгар и арабов, греки хотят выжить и русских с Афона»^{*)}. Таким образом и русским пришлось косвенно поплатиться за поддержку болгар в этой греко-болгарской распре.

Но это неприятное дело, на первый взгляд внутриправославное, чуть не вышло из рамок Православия. Ватикан, всегда готовый расшатать Православную Церковь, попытался использовать непримиримость греков, уверяя болгар, что лишь уния с Римом может обеспечить им церковную автономию и богослужения на народном языке.

С этой целью, папа Пий IX не колебался 14-го апреля 1861 г. наградить Иосифа Сокольского, неграмотного монаха, перешедшего в католичество, архиепископским саном и титулом апостольского наместника. Через сравнительно недолгий срок можно было уже насчитывать до 60.000 обращений в католичество, но очень быстро движение оборвалось и большая часть обращенных, вслед за самим Сокольским, вернулась в Православие.

Если, несмотря на все затруднения и искушения Болгария всё же осталась православной, то во многом за то она обязана России.

Святейший Русский Синод сумел действовать с большой рассудительностью, пребывая в общении с Константинополем, но не порывая с Болгарией и даже предоставляя ей св. Миро, что есть высший знак общения и, даже сослужа, хотя и в очень редких случаях, с иерархами, как например в 1924 г., когда русский Кишиневский архиепископ Анастасий, впоследствии ставший Первоиерархом РПЦЗ, по пути из Константинополя принял участие в торжественном богослужении по случаю освящения величественного собора св. Александра Невского в самом центре Софии^{**}).

В 1945 году, по причинам столь же политическим, как и религиозным, Константинопольская и Болгарская Церкви возобновили литургическое общение и тем самым поставили предел этому позорному более 80-летнему расколу, которому никогда и не должно было случиться. Всего лишь несколько месяцев назад Болгарская патриархия торжественно отпраздновала 40-летие окончания раскола между обеими Церквами. Надо радоваться тому, что болгары оказывают величайшую признательность своей Церкви за её столь деятельное участие в национальном возрождении, в чём каждый может убедиться, посещая церковные памятники страны, но добавим, что им следовало бы приобщить имена важнейших епископов к числу героев болгарского народа, как-то: Илариона Макариупольского, Панарета Филиппопольского, Илариона Ловчанского, Анфима Виденского, Дорофея Софийского, Парфения Нишского и Геннадия Велесского, которые, вместе с болгарскими пастырями, явились душой названного возрождения.

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Р. С. Слово «филетизм» мы пишем через букву «с» согласно принятому правописанию (см. напр. Т. Филиппов, Современные Церковные Вопросы, СПб. 1882 г.).

*) Проф. А. А. Дмитриевский, «Граф Н. П. Игнатиев, как церковно-политический деятель на Православном Востоке», СПб., 1909 г., стр. 19.

) Подробное описание участия владыки Анастасия в этом торжестве, как и содержание его проповеди можно найти в «Церковень Вестникъ», 1924 г., № 33-35, стр. 7-9 и № 36, стр. 2. Следует отметить, что несмотря на то, что владыка Анастасий не был старшим по сану среди архиереев, ему была, как представителю великой Русской Церкви, предоставлена честь председательствовать на всенощном бдении и проповедовать на литургии. **«Церковная Жизнь» №1-2, 3-4 / Январь – Апрель 1986 г.

В ПУТИНСКОЙ ЭРЕФИИ НЕТ СВОБОДЫ СЛОВА

Петербургский историк, кан-дидат исторических наук, со-трудник мемориально-про-светительского историко-культурного центра «Белое Лело» Кирилл Александров лишён степени доктора наук.

– Что было предметом Вашего исследования?

– Моя диссертация посвящена профессиональной группе – офицерским кадрам войск “Комитета Освобождения Народов России”. У нас часто путают Русскую Освободительную Армию и Власовскую Армию. На самом деле никакой власовской армии до конца осени 1944 года не существовало – только отдельные подразделения, частично интегрированные в состав германских вооруженных сил. Власов получил возможность создать свою армию только 14 ноября 1944 года, и создателем её был не он, а его начальник штаба и заместитель по военным делам генерал-майор Федор Трухин, потомственный дворянин, бывший прапорщик Императорской Армии, в годы Гражданской войны – военспец, беспартийный генерал-майор Красной Армии. Как личность он интереснее Власова – в силу воспитания, образования, свойственной ему рефлексии и прочего. Трухин и ближайший круг его офицеров и приступили к созданию армии. В ней был свой офицерский корпус – вот я и хотел понять, сколько их было, как они туда попадали, какая у них была служба в Красной Армии, какова была доля русских эмигрантов, белогвардейцев и их детей – а она была велика: например, из 35 генералов власовской армии 18 – участники Белого Движения. Среди подполковников, полковников и войсковых старшин было больше четверти бывших белых офицеров. Из 51 командира 28 были бывшие белые. И всё же главную роль играли советские граждане, в основном бывшие кадровые командиры Красной Армии. Моя задача была установить круг этих людей, проанализировать их биографии, посмотреть, какие у них были награды, кто был участником военных преступлений на оккупированных территориях. Ну, и надо было понять, что с ними произошло, ведь после капитуляции Германии офицерский корпус власовской армии никуда не делся. Он существовал еще и в американской оккупационной зоне, долгое время сохранялись такие крупные формирования, как Русский Корпус полковника Анатолия Ивановича Рогожина.

– И каков Ваш главный вывод?

– Я установил численность офицерского корпуса, установил влияние бывших белых офицеров и их детей, установил, что круг мотивов, по которым люди туда попадали, был самым широким, об этом и шла речь на защите. Нельзя свести все к тому, что вот – все приспособленцы, или все – противники Сталина, или все стали его противниками в плену. Нет, есть разные судьбы и разные мотивации. Целый ряд власовских командиров в 1941–42 годах активно сражались в рядах Красной Армии. Например, гвардии майор Вячеслав Артемьев был командиром гвардейского кавалерийского полка, посмертно награждён орденом.

Были у Власова двое или трое летчиков – “героев Советского Союза”. А были и перебежчики, сознательно перешедшие на сторону противника, такие как генерал-майор Михаил Шаповалов и майор Иван Кононов. Были в армии Власова приспособленцы, которые просто хотели выжить, а были обиженные советской властью, репрессированные до войны, но в целом доля репрессированных до войны генералов и офицеров была очень невелика – думаю, процентов 10–15. Так что главный мой вывод состоит в том, что мотивация попадания офицеров во власовскую армию была многофакторной. Это, кстати, вызвало самую горячую дискуссию и политические обвинения. Но я не вижу тут никакого криминала. Основная часть офицеров власовской армии принадлежала к тем социальным группам, которые в 20–30-е годы подвергались особым репрессиям. Это, в первую очередь, выходцы из крестьян. Например, Сергей Буниченко, бывший полковник Красной Армии, генерал-майор, повешенный вместе с Власовым, чья дивизия оказала неоценимую поддержку повстанцам в Праге, – он был исключен из партии до войны за критику коллективизации и колхозного строя, и таких примеров можно привести много. Кроме того, были выходцы из непролетарских социальных групп – бывшие купцы, дворяне, дети духовенства. На этом основании я сделал вывод, что сам факт существования офицерского корпуса власовской армии по персональному составу можно рассматривать как социальный протест против сталинской репрессивной политики.

– Это, наверное, больше всего возмутило Ваших противников?

– Да, хотя я не вижу тут ничего страшного. Таких примеров много – в годы Первой Мировой войны десятки тысяч военнослужащих австро-венгерской императорской армии, дававших присягу своему императору, переходили на сторону русской армии в знак протеста против национальной политики Австро-Венгрии. Государственная измена остаётся государственной изменой, но задача историка – констатировать факты, а не давать морально-нравственные оценки – об этом тоже говорили на защите. С какими бы оценками ни подходить к моим персонажам: гнусные предатели, беззаветные патриоты, несчастные люди, жертвы исторических обстоятельств, – это никак не влияет на содержание моей диссертации и на те выводы, к которым я пришел.

– А чего от вас ждали – подтверждения советской концепции, что все власовцы – собаки и предатели?

– Да, что это кучка пьяниц и дебоширов, изменников родины, за миску супа пошедших служить нацистам. Но ведь мы знаем роман Аркадия Васильева о Власове, написанный в 70-е годы: “В час дня, Ваше превосходительство”, и есть намного меньше известная его статья в журнале “Вопросы Литературы”, где он пишет, что предательство Власова – это логическое продолжение Ярославского восста-

ния 1918 года, Кронштадтского восстания 1921 года, это все звенья одной цепи – российской контрреволюции. Даже тогда было понятно, что дело не в кучке предателей, пьяниц и дебоширов. Мне удалось оживить эту проблему; в 90-е годы, когда я начал ею заниматься, это было серое пятно, ни с какими именами оно не ассоциировалось, а ведь там были люди, их семьи, поступки, грехи, жизненный путь. Меня спрашивали, в чём польза от моей работы. А мне удалось помочь некоторым родственникам найти сведения об их дедушках и прадедушках, о которых они по 50–60 лет ничего не знали, и этот человеческий, гуманитарный аспект для меня очень важен. Сейчас для нас вообще важна тема человека на войне, и в отношении армии Власова этой темой никто не занимался.

– Были ли какие-то открытия: факты, судьбы, поразившие вас во время работы?

– За 25 лет такого было очень много. В одном американском архиве я нашел уникальные документы – подробные списки офицеров и рядовых власовской армии, находившихся в американском плену. И там есть первичные установочные сведения, то есть можно искать документы в других архивах. Для меня это было открытие. Несколько лет назад я опубликовал документ о том, как немцами был пленен генерал-лейтенант Власов. Этот немецкий отчет я нашел в Гуверовском архиве Стэнфордского университета, из него ясно, что Власов никогда сам в плен не сдавался, а был выдан русскими крестьянами, получившими за это вознаграждение.

– То есть его сдали свои же?

– Да, он попал в плен, будучи лояльным к советской власти. А в плену с ним разговаривал и убеждал его русский немец, уроженец Риги, проводивший молодость в Петербурге, участник Первой Мировой войны, а потом Белого Движения, капитан Северо-Западной армии, а потом Вермахта Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. Без него, наверное, вообще не было бы никакого власовского движения. И я нашёл подлинный приказ за подписью Юденича о производстве Штрик-Штрикфельдта в капитаны за отличия по службе. Мне помогали десятки людей, это был уникальный человеческий, а не только научный процесс.

– Какие судьбы вас особенно тронули?

– Есть два человека, судьба которых меня очень занимает. Один из них – майор Иван Теников, татарин по национальности, родом из Бийска. В 1942 году он служил в 337-м истребительном авиационном полку, в 287-й истребительной авиационной дивизии 8-й воздушной армии. 15 сентября 1942 года Теников таранил над Сталинградом немецкий “Мессершмитт 110”. Он его сбил и выбросился с парашютом, то есть совершил настоящий подвиг. Через год он был сбит в воздушном бою, попал в плен, а в 1944 году под влиянием власовской пропаганды подал рапорт в РОА, потом служил во власовской армии в чине майора. Правда, по состоянию здоровья после ранения летать он уже не мог.

И потом он исчез. Его считали погибшим, он упоминается в советских книжках 70-х годов – воздушный таран, Сталинградская битва. За свой таран он должен был получить как минимум орден, а то и “героя Советского Союза”, но его наградной карточки нет. И куда его перевели, тоже непонятно, где он провёл целый год. Сведений о том, что он был заочно приговорен к какому-то наказанию, нет, как и отметок о возвращении в Советский Союз и судимости. Я предполагаю, что ему удалось остаться на Западе, по неким косвенным данным, он мог оказаться в Канаде, где после войны было много власовцев. Но это только предположение. Еще один интересный персонаж – полковник власовской авиации Александр Ванюшин. В его карточке написано, что он был осужден военным трибуналом и казнен, так и я думал до 2010-го или 2011 года, а на самом деле его нелегально вывезла из Европы в США американская разведка, он там сменил фамилию и прожил довольно долго. Еще одна уникальная личность – майор Борис Пивенштейн, который участвовал в спасении челюскинцев, за что получил орден, а в 1943 году был сбит и попал в плен к немцам. Как еврей он был обречен, но его вытащили из плена, и после войны он тоже исчез. Есть оперативные данные МГБ, что в 1952 году он выехал из американской оккупационной зоны Германии на Запад, и есть совсем уж экзотическая версия о том, что в 1956 году он участвовал в войне на стороне Израиля в качестве летчика израильских ВВС. Но я подчеркиваю, что это непроверенная информация. Я уже упоминал Кононова – это единственный генерал-майор власовской армии из числа советских граждан, который избежал репатриации, все остальные генералы, советские граждане, были выданы, расстреляны или повешены. Кононову удалось спрятаться, и в 1950 году он приехал в Австралию. Кроме ордена Красной Звезды за финскую войну у него еще около 15 наград Вермахта, это совершенно неумная личность. В 1950 году он предлагал правительству Австралии сформировать русский полк и отправить его в Корею воевать на стороне сил ООН. Австралийцы, наверное, испугались таких предложений, а Кононов, наверное, без проблем набрал бы две тысячи человек, так что потом можно было бы делать *блокбастер* на этой основе. Но его идею не поддержали. Он умер в 1967-м в Австралии от разрыва сердца. Какой-то части власовских офицеров разными путями удалось спастись. Там была трагическая история. Человек, командовавший кадрами власовской армии в американском плену, – это был участник Первой Мировой, кавалер ордена Святой Анны за храбрость, штабс-капитан старой русской армии, потом полковник Красной Армии священника, репрессированного большевиками. Даже американцы в Баварии говорили им: разбегайтесь! А Меандров считал – нет, мы офицеры, мы не можем бежать, не можем бросать солдат.